

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Лопехин Ермолай Алексеевич

По чеховской характеристике — купец. Чехов так объясняет этот образ в письмах О.Л. Книппер и К.С. Станиславскому:

«Ведь это не купец в пошлом смысле этого слова, надо сие понимать. Роль Лопехина центральная. Если она не удастся, то значит и пьеса вся провалится... Лопехина надо играть не крикуну, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек... Лопехин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов».

Почему Чехов считал роль Лопехина центральной? Почему подчеркивал его непохожесть на «типичного» купца? Каковы мотивы действий этого «странного» убийцы сада? Ведь именно его руками и вырубается всеми любимый, оплакиваемый Вишневы сад.

Ермолай Лопехин не может забыть, что он мужик. В его память врезалась фраза, сказанная ему Раневской, когда она утешала его, тогда еще мальчика, избитого отцом: «Не плачь, мужичок, до свадьбы заживет». Лопехин этих слов забыть не может: «Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках... Только что вот богатый, денег много, а если подумать и разобраться, то мужик мужиком...»

Сознание «мужичьего» прошлого, с одной стороны, мучает его, являясь источником его незабываемого унижения, но, с другой стороны, он гордится тем, что смог выбиться «в люди». Более того, в момент действия пьесы для их бывших хозяев он — возможный благодетель, человек, который может помочь им выпутаться из неразрешимых проблем. Лопехин то и дело предлагает Раневской и Гаеву свои планы спасения: например, отдать землю под участки для дач, а сад, ввиду его совершенной бесполезности, вырубить. И он искренне огорчается, когда они не слышат его разумных слов, и не понимает их беспечности на краю гибели. «Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал... Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили!»

В планах Лопехина помочь своим бывшим хозяевам нет и тени коварства. Он искренен. Почему он хочет иа помочь? Может, потому, что помнит добро Раневской: когда-то сделали для меня так много, что я забыл все и люблю вас как родную... больше чем родную!» Что же сделала по отношению к нему Раневская — остается за пределами пьесы, но мы можем догадаться, что она, в силу своего мягкого характера, своего благородства, просто видела в не лакея, а человека, уважала в нем достоинство, жалела. Одним словом, она проявляла себя как истинная аристократка — великодушная, добрая, культурная, благородная, достойная. Может быть, именно сознание недостижимости этого идеала человечности и заставляет Лопехина совершать противоречивые поступки.

Лопехин и Раневская — два центра пьесы. И сюжет развивается так, что личные отношения между ними оказываются все-таки не самым главным, они отступают перед тем, что Лопехин делает как бы невольнo, словно удивляясь самому себе.

Третье действие проходит в нервном напряжении: ждут, когда придет с торгов Гаев и какую весть он привезет о судьбе сада. Надеяться на благополучный исход не могут, остается только уповать на чудо...

И вот роковое известие: сад продан! Ответ на беспомощный и совершенно бессмысленный вопрос: «Кто купил?» поражает Раневскую, как громом. «Я купил!» — выдыхает Лопехин. Такое впечатление, как будто она не ждала от него такой подлости, такого коварства. Но сад и имение, оказывается, — мечта всей жизни Лопехина. Он не мог поступить иначе: купец в нем победил мягкого «интеллигента» и отомстил за мужика.

«Вишневый сад теперь мой! Мой! (*Хохочет.*) Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... (*Топочет ногами.*) Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай... купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню...»

Лопехин как бы в истерике, он не верит собственному счастью, не замечает убитой горем плачущей Раневской. И кричит:

«Приходите все смотреть, как Ермолай Лопехин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья!»

Все происходит как будто по его страстному желанию, но против его воли, потому что через минуту, увидев несчастную Раневскую, он вдруг произносит слова, совершенно противоречащие его предыдущему восторгу:

«Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. (Со слезами.) О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь...»

А в следующее мгновение купец в Лопехине вместе с бывшим мужиком бодро поднимают голову и кричат по-хамски:

«Музыка, играй отчетливо! Пускай все, как я желаю!.. За все могу заплатить!»

Петя Трофимов так характеризует Лопехина:

«Вот как в смысле обмена вещества нужен хищный зверь, который съедает все, что попадется на пути, так и ты нужен».

Но странное дело: обличитель Трофимов, мечтающий о социальной справедливости и отводящий Лопехину роль эксплуататора, говорит о нем в четвертом действии:

«Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...»

Сочетание нежной души с хватками хищника — вот характеристика Лопехина. Он может, рассказывая о том, как заработал на посевах мака «*сорок тысяч чистого*», как бы случайно заметить:

«А когда мой мак цвел, что это была за картина!»

Ему страстно хочется красоты, чистоты, он тянется к культуре (Лопехин — единственный персонаж, который в первой сцене встречает нас с книжкой в руке. Правда, читая ее, он заснул, но прочие персонажи вообще книжек в руках не держат на протяжении пьесы), но все же «земное» начало в нем, мужичий здравый смысл, купеческий расчет оказываются сильнее. Понимая, что вишневый сад — прекрасен, испытывая гордость по поводу овладения им, Лопехин при этом торопится его вырубить и устроить все по своему пониманию счастья:

«...Дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...»

Но в этом Лопехин ошибается: «дачник» — это не тот, кто будет хранить и умножать красоту, практические соображения «дачника» и вообще собственника-хищника исключают из своей системы ценностей такие непрактичные вещи, как, например, культура. Потому и рубит Лопехин, этот купец с «тонкой душой» вишневый сад, что не понимает главного: корни памяти, культуры, красоты нельзя перерубить!

Интеллигенция создала из крепостного, забитого, покорного раба свободного, талантливую, творчески активного человека, подобного себе. Но сама она умирала, и он вместе с ней, потому что без корней, из которых вырос, он не мог существовать. «Вишневый сад» — это драма утраты духовных корней.